

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ

1870.

(ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

ЧАСТЬ СЛII,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. Голубина

ВЛАДИМИРСКІЯ, ДОМЪ № 16.

1870.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Замѣчаніе о нашихъ былинахъ М. П. ПОГОДИНА.

Комическая опера Екатерины II: „Горе-Бога-
тырь“ А. Г. ВРИКНЕРА.

Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850
годъ. (Окончаніе) А. Н. ПОПОВА.

Реликвиі Иосафата Кунцевича. ЛЬКАРА И. СИКОРСКАГО.

Извѣстія о дѣятельности русскихъ ученыхъ
обществъ и учрежденій.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Западнорусскія археографическія изданія послѣдняго
времени. (Окончаніе). М. О. КОЯЛОВИЧА.

Prooemium, quo scholas suas, de Historia Litterarum
Romanarum in Caesarea Litterarum Universitate
Charcoviensi habendas, aperuit *A. L. Döllen*, Char-
coviæ. Typis Universitatis Caesareæ Charcoviën-
sis. MDCCLXIX И. ЦВѢТАЕВА.

Гимназіи и приготовительная школа въ Гер-
маніи. (Окончаніе). Г. ГУЛЕВИЧА.

О такъ-называемыхъ историческихъ семина-
ріяхъ при университетахъ Германіи . . . А. Г. ВРИКНЕРА.

Лицей Цесаревича Николая. Z.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

} (См. на 8-й стр. обѣтки).

ЗАМѢЧАНІЕ О НАШИХЪ БЫЛИНАХЪ.

Былины, или пѣсни былевны, дошли до насъ въ самомъ поврежденномъ видѣ, почти изуродованныя; но основаніе ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ глубокой древности, во времени главнаго лица, около котораго всѣ онѣ, такъ или иначе, обращаются, — стольнаго князя Кіевскаго Володимера.

Кіевъ, Черниговъ, Волынь, Галичь, Дунай, Днѣпръ — вотъ имена, которыя безпрестанно слышатся въ этихъ пѣсняхъ и показываютъ мѣсто ихъ сочиненія или происхожденія — на югѣ, въ Кіевѣ, въ Кіевской сторонѣ.

Подлинность ихъ доказывается убѣдительно „отъ противнаго“, какъ говорится въ логикѣ.

Объяснимся сперва по вопросу о времени.

Ни къ какому времени, кромѣ Володимерова (всего менѣе послѣ Татаръ), нельзя приурочить наши былины. Послѣ Татаръ другіе предметы возбуждали общее вниманіе: Каменная Москва, Грозный царь, Казань и Астрахань, нашествіе Поляковъ. Замѣтимъ, что даже эти предметы, живо трепетавшіе занимательностію, находили пѣвцевъ относительно меньше, и другаго лада, какъ будто бы источникъ непосредственнаго народнаго вдохновенія оскудѣлъ, хотя и не совсѣмъ изсякнулъ. Какимъ образомъ можно было бы объяснить, въ это новое время, такое обращеніе отъ настоящаго къ давно-прошедшему, которое между тѣмъ почти совсѣмъ уходило изъ памяти? Итакъ, пѣсни не могли быть сочинены послѣ Татаръ, а при Татарахъ еще менѣе: югъ Руси былъ опустошенъ и обезлюдѣлъ; сѣверу было не до пѣсенъ, когда татарское иго только-что отяготѣло надъ народомъ, и безпрестанныя набѣги и набѣжавшіе баскаки держали населенія въ постоянномъ страхѣ. Обычай, расположенія пѣть надолго не стало. Князья все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ народа; устроивалось особое правительство. Другіе нравы возникали вслѣдствіе государствен-

часть оны, отд. 2.

наго рабства, и если есть пѣсни изъ этого періода, то большею частію подражанія древнимъ или переложенія древнихъ на новый ладъ, прилаживаніе ихъ къ своему времени. Этимъ объясняются всѣ такъ-называемые анахронизмы о Татарахъ, Литвѣ и Полякахъ при Володимирѣ, какими обезобразились дошедшія до насъ былины. Ими всего болѣе подтверждается достовѣрность и подлинность древнихъ былинъ. Заплаты ясно указываютъ собою, что подъ ними нѣкогда была другая ткань, обветшавшая и утраченная; онѣ указываютъ на древнюю основу, не подходившую подъ обстоятельства современныя, которая и была замѣнена ими.

Какъ ни одно время не подходитъ къ сочиненію нашихъ былинъ, такъ нельзя предположить и ни одной мѣстности, гдѣ онѣ могли бы быть сочинены. Сѣверъ и востокъ Руси при Татарлахъ и послѣ Татаръ не имѣли почти никакого отношенія къ югу. Гдѣ тамъ, кому; по какому поводу и съ какою цѣлію пришло бы въ голову поминать тогда Володимера съ Ильею Муромцемъ, Добрынею Никитичемъ, Чурилою Пленковичемъ, Алешею Поповичемъ и прочими Володимировыми богатырями? Откуда взять даже такія имена на Финскомъ востокѣ и сѣверѣ мнимымъ сельскимъ Макферсонамъ? Всѣ собственныя имена былинъ были тамъ, какъ я теперь, почти неизвѣстны, развѣ въ темныхъ преданіяхъ и между богомольцами. Но не были ли былины сочинены на югѣ? На югѣ водворилось, если не образовалось новое общество, съ новымъ нарѣчіемъ, котораго и духа нѣтъ въ древнихъ былинахъ. Тамъ возникли совершенно другія отношенія, и послѣ многихъ лѣтъ безмолвія раздалась новая пѣсня, не имѣющая ничего общаго съ древними.

Кромѣ времени и мѣста, остается еще вопросъ о самомъ сочиненіи: кому можно приписать сочиненіе этихъ пѣсней, одному лицу или многимъ? Одному лицу приписать ихъ нельзя, потому что въ былинахъ встрѣчаются различныя и противорѣчивыя между собою показанія: былины должны быть сочинены многими лицами; эти многіе должны жить въ одно время, ибо всѣ ихъ сочиненія обращаются около однихъ и тѣхъ же лицъ и имѣютъ средоточіемъ одно и то же мѣсто.

Сочинителей, подходящихъ подъ эти условія, знакомыхъ съ данными лицами и мѣстами, и вообразить нѣтъ возможности¹⁾. Если

¹⁾ Надобно имѣть въ виду и тѣ обстоятельства, при которыхъ древнія былины сдѣлались извѣстными: о нихъ никто у насъ и не думалъ до нынѣшняго столѣтія. Въ Сибири, на Демидовскихъ заводахъ, записалъ ихъ кто-то, и спл-

же нельзя приискать сочинителей, если нельзя съ какою-нибудь вѣроятностію указать ни на время, ни на мѣсто сочиненія, то остается во всей силѣ первое мнѣніе, что былины сочинены въ Кіевской странѣ, народомъ, или его представителями въ этомъ случаѣ, особыми пѣвцами, скоморохамъ, въ то время, какъ именуемыя въ нихъ лица дѣйствительно существовали, преимущественно до введенія христіанской вѣры.

Въ устахъ народа былины произошли, въ устахъ народа послѣ онѣ сохранялись, измѣнялись и пришли въ настоящее положеніе ¹⁾.

Все это разсужденія *a priori* и отъ противнаго, но есть много убѣдительныхъ доказательствъ о древности былины и *a posteriori*.

Откуда и гдѣ, послѣ Татаръ или при Татарахъ, явились бы: шляпа земли Греческой, мѣдъ козарка, гость Сорожанинъ, кровать рыбій зубъ, клюка кости рыбьей, жеребцы латынскіе, корабли червленые, Садко кунецъ Новгородскій съ своими богатыми кораблями, Васька Буслаевъ съ вольницею, Леонтій попъ Ростовскій, Путятична, Хотѣли Влудовичъ, земля Волынская, Почай рѣка?

Когда, гдѣ и кому, послѣ Татаръ, могли быть извѣстны древніи слова лѣтописей: *наволоки*, *аксамиты*, *грудницы*, которыя встрѣчаются въ былинахъ?

Какъ и гдѣ могла бы сочиниться подобная тирада:

Завелся у Солнышка почестень пиръ

На всѣхъ на князей, на бояръ,

На сильныхъ могучихъ богатырей.

Всѣ на пиру наѣдалися,

И всѣ на пиру морасквасталися.

Какъ Солнышко Владимір князь

сохъ этотъ попалъ случайно въ Москву, гдѣ и былъ напечатанъ въ восьмидесятихъ годахъ. Петру Васильевичу Барневскому удалось собрать нѣсколько былины, пѣтыхъ въ разныхъ великороссійскихъ губерніяхъ. Наконецъ, недавно г. Рыбниковъ нашелъ множество былины въ Олонецкой губерніи и обнаружилъ въ четырехъ частяхъ своего драгоценнаго сборника.

¹⁾ Нѣкоторые изъ новыхъ нашихъ критиковъ стараются доказать, что былины заимствованы нами у Финновъ, Татаръ и Турокъ. Ни съ которыми изъ этихъ племенъ въ древности мы не были въ слишкомъ близкихъ сношеніяхъ, но крайней мѣрѣ сравнительно съ нынѣшними связями, а нынѣ заимствованіи никакого у насъ не примѣчается: съ чего же предполагать его въ древности, и притомъ въ тѣхъ разнѣрахъ? Странное дѣло: мы допускаемъ народное творчество у кого угодно—у Финновъ, Татаръ и Турокъ, и только отказываемъ въ немъ своему народу, не смотря на его древность, многочисленность, талантность и чистоту!

По хорому по грудиѣ похаживалъ,
 Правой ручкой помахивалъ,
 На богатырей службы наметывалъ:
 На перваго богатыря стараго Илью Муромца,
 На другаго богатыря молодаго Добрыню Микитича,
 На третьяго на душечку Михаилу Потыма Ивановича.
 Наливалъ по чарѣ зелена вина,
 По ковшу давалъ-то меду сладкаго.
 На стараго казака Илью Муромца
 Наметывалъ службу великую —
 Съвздить за горы Сарочинскій,
 Убить силу поганую, отъ мала до велика,
 Не оставить слѣдъ на сѣмена;
 А на другаго богатыря Добрыню Микитича
 Наметывалъ службу великую —
 Ему ѣхать, богатырю, за славное синее море,
 Ему бить, земли прибавлявати,
 Коренить языки человѣчески,
 Прибавлявати земельки Святорусскія.
 А на третьяго богатыря, душечку Михаила Потыма Ивановича
 Наметывалъ службу великую —
 Ему ѣхать, богатырю, во ты-ли во грудии во черныи,
 Во тне-ли Подолье Лиходѣево,
 Спранить-то дани-выходы
 За старше годы и за вниѣшныи,
 За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.

Не ясно ли видимъ мы въ этихъ стихахъ, положеніе великаго князя Кіевскаго, который самъ идетъ или посылаетъ своихъ воеводъ на сосѣднія племена, какъ то было при Игорѣ; какъ думалъ дѣйствовать Василько (первая служба); князя, который ходитъ или посылаетъ въ походъ безпрестанно для распространенія предѣловъ земли Русской, какъ Олегъ, Святославъ, Володимерь (вторая служба); князя, который посылаетъ своихъ бояръ (Свѣнелда, Яна) собирать дань съ подвластныхъ племенъ (третья служба)?

Кому, при Татарахъ, могла прійти въ голову мысль о дальнихъ походахъ, о покореніи земель, о собираніи дани, которую сами мы должны были нести съ покорностію Татарамъ?

Володимерь совѣтуется съ болами въ былинахъ, точно какъ въ гѣтописи, угощаетъ ихъ также и исполняетъ ихъ желанія, не щадя казны своей. Замѣтимъ, навонецъ, что въ былинахъ Володимерь является болѣе язычникомъ, чѣмъ послѣдователемъ христіанства; которое, очевидно, подмалевано въ послѣдствіи.

Кому при Татарахъ, или послѣ Татаръ, могло прійти, въ голову

воспоминаніе о богатствахъ Кіевскихъ, о богатствѣ Черниговскомъ, о роскоши Новгородской, что читаемъ мы въ слѣдующихъ стихахъ:

Что ни лучшіе богатыри въ Кіевѣ,
Золота казна въ Черниговѣ,
А цвѣтно платье въ Новѣгородѣ,
А хлѣбны запасы въ Смоленскѣ-городѣ,
А мхи да болота въ заморской сторонѣ,
А разстругисты сарафаны по Мошѣ рѣкѣ,
А худые сарафаны въ Каргопольской сторонѣ.

Послѣдніе три стиха, безъ сомнѣнія, — прибавленіе позднѣйшаго, мѣстнаго пѣвца.

Добрыня выѣзжаетъ въ чистое поле на промыселъ, какъ Гаральдъ, какъ Мстиславъ, племянникъ Давыдовъ, ходившій за море и проч.

Пріѣзжалъ Добрыня къ своимъ поселямъ дворянскимъ.

Этотъ стихъ испорченный, встрѣчающійся и въ простыхъ пѣсняхъ, указываетъ на древнія боярскія поселенія, слободы или земли, воздѣлывавшіяся закупамъ Русской правды. Также и Илья Муромецъ подѣзжаетъ ко подворью дворянскому.

Съ какого образчика могло быть списано слѣдующее описаніе житья - бытъя матери Дюка Степановича въ Волинской землѣ, которое свидѣтельствовалъ Добрыня Никитичъ по порученію князя Владиміра, вслѣдствіе похвальбы Дюковой:

Добрыня пріѣзжаетъ въ домъ Дюковой матери. Въ первой комнатѣ сидитъ старая женщина; не много на ней шелку, вся въ серебрѣ. Добрыня Никитичъ принимаетъ ее за Дюкову матушку и говоритъ ей: „Здравствуешь, Дюкова матушка, честная вдова Мамелева Тимошеевна!“ Старуха отвѣчаетъ ему: „Я не Дюкова матушка, а Дюкова портомойница“. Идетъ Добрыня по комнатамъ: въ каждой видитъ по старой женщинѣ; первая вся въ красномъ золотѣ — то Дюкова постельница; другая въ скатномъ жемчугѣ — то Дюкова столъница; третья вся въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ — то Дюкова чашница. Послѣдняя говоритъ Добрыни: „Ты напрасно спины не ломай и шею не сгибай, а ступай въ церковь соборную: тамъ есть Дюкова матушка“.

Пошелъ онъ во церковь соборную.

Идетъ она изъ церкви соборныя:

Впередѣ идутъ лопатники,

За лопатниками идутъ метельщики;

За метельщиками идутъ сумонщики,

Разстилаютъ сукна одинцовыя.

Честную вдову Мамелеву Тимошеевну

Ведутъ тридцать дѣвиць со дѣвицею.
 Вся она обвѣшана бархатомъ,
 Чтобы не заглохло ее солнце красное,
 Не капала роса утренняя.
 — Здравствуешь, Дюкова матушка!
 — „Здравствуешь, удаленькій добрый молодець!
 „Ты откулезній, добрый молодець?“
 — Есть я изъ города изъ Кіева
 Отъ твоего отъ сына отъ любимаго:
 Захвасталъ онъ своимъ поселенцемъ.
 — „Ступай за мною, добрый молодець“.
 Пришла во грядню столовую.
 Полагали скатерти бранныя,
 Посадили за столки дубовые,
 Поставляли напитки столные:
 Напился, наѣлся добрый молодець;
 Отводилъ его въ ложню на кроваточку — рыбій зубъ.
 Спалъ молодець три сутки безъ проснпа,
 На четверты встаетъ на рѣзвы ноги,
 Поидеть смотреть Дюково поселенце:
 Привелъ его въ конюшенки столныя:
 Не знаетъ конямъ и цѣны-то дать, —
 Въ челкахъ и хвостахъ вилетено по камню драгоцѣнному, и проч.

Откуда бы взятъ въ былинахъ слѣдамъ мнѣологическимъ, на-
 примѣръ, лебединымъ и прочимъ превращеніямъ, чарамъ на слѣдъ,
 и т. п., указывающимъ на близость ко времени язычества?

Въ самомъ языкѣ, не смотря на всѣ поврежденія, сохранились
 еще признаки древности — въ словахъ и оборотахъ, на примѣръ, рады
 рядить, крутиться, занимать мѣста не по отчинѣ; употребленіе вы-
 нительнаго падежа въ формѣ именительнаго, окончаніе неопредѣлен-
 наго наклоненія на *и*, особенное употребленіе дѣепричастія согласно
 съ языкомъ лѣтописей указываютъ также на древность, на примѣръ:

Какъ видѣли Илюшненьку садучись,
 А не видѣли уѣдучись.

День они бьются не ѣдаючись,
 И другой они бьются не пиваючись
 И себѣ отдыха не даваючись.

И тутъ Дунаюшка ко стыду
 Началъ плакать уливаючись.

Ты, глухой Король Бутельнъ Бутельновичъ,
 Не учествовалъ молодець прѣдучись,
 А не ужаловать ти молодець поѣдучись.

Замѣтимъ еще нѣкоторые, особенно своеобразные обороты:

Долною море долинененько,

Ширною море широкоенько.

А у тѣ просто за просто, пусто за пусто.

Кормите коня скоро на скоро, смто на смто.

Чуднымъ чудо, дивнымъ дивно.

Отоя стоять, сидя сидѣть, лежа лежать.

Красно золото не мѣдветъ (не становится мѣдью),

Чисто серебро не желѣзится (не становится желѣзомъ).

Ввела его въ силушку богатырскую,

Въ прежнюю храбрость великую.

Бшь до смти, ней до любви.

Труднички-работнички.

Дьячекъ-выдумщикъ.

Внепрестанно встрѣчаются любимые обороты, прилагательныя, какъ въ древней греческой поэзіи: красная дѣвица, бѣлыя руки, рѣзвыя ноги, русая коса, буйная головушка, ключевая вода, пшеница бѣло-ярая, столы бѣлодобовые, скатерти бранныя, медь ярый, пиво пьяное, пески рудожелтые, бѣлъ горючъ камень, мечь-кладенецъ, калена стрѣла, тугой лукъ и проч.

Къ числу доказательствъ о древности былииъ присоединимъ важное замѣчаніе г. М. Майкова въ его дѣльномъ разсужденіи „О былинахъ Владимірова цикла“: „Въ германскій эпосъ еще въ XII вѣкѣ, а можетъ-быть, и раньше того, введены были русскія дѣйствующія лица, извѣстныя намъ по былинамъ Владимірова цикла: въ исландской Thidrekssaga, въ половинѣ XIII вѣка составленной изъ древнихъ саксонскихъ пѣсенъ и преданій, упоминается король Русскій Вольдемаръ — Владиміръ, и его братъ ярлъ Илья Греческій или Русскій — нашъ Илья Муромецъ. Thidrekssaga называетъ его греческимъ по его греческой вѣрѣ. О Владимірѣ еще можно сомнѣваться — перешелъ ли онъ въ нѣмецкій эпосъ изъ русскаго преданія, то-есть, былины, или изъ исторической дѣйствительности, но относительно Илья сомнѣнія быть не можетъ: Илья существуетъ не въ исторіи, а въ одномъ эпосѣ, и именно подлѣ Владиміра, какъ и въ Thidreks-

saга; кромѣ того, имя его передано по исландски не Elias, какъ слѣдовало бы по обще-германскому употребленію этого ветхозавѣтнаго имени, но Elias von Riuzen, очевидно, со славянскаго Илья. Должно однако замѣтить, что происшествія, въ которыхъ участвуетъ яръ Илья, не имѣютъ ничего общаго съ извѣстными изъ былинь подви-гами Илья Муромца. Путь, по которому могли перейти эти русскія имена въ эпосъ германскій, — безъ сомнѣнія, разказы ниже-нѣмецкихъ торговыхъ людей, посѣщавшихъ Русь“.

Приведемъ здѣсь сполна одну былину — объ Иванѣ, гостиномъ сынѣ, въ которой, кажется намъ, осталось наиболѣе слѣдовъ древности:

Въ стольномъ въ городѣ во Киевѣ,
У славнаго князя Владиміра
Было пиrowанье, почетной пиръ,
Было столованье, почетной столъ
На многі князи, бояра,
И на русскіе могучіе богатыри
И гости богатые:
Будеть день въ половину дня,
Будеть пиръ во полу-пирѣ;
Владимір князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Гой еси, князи и бояра,
„И всѣ русскіе могучіе богатыри!
„Есть ли въ Киевѣ таковъ человекъ,
„Кто бъ похвалился на триста жеребцовъ,
„На триста жеребцовъ и на три жеребда похвалемъ:
„Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
„И которой полоненъ воронко во Большой Ордѣ, —
„Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ
„Какъ у молода Тугарина Зибевича.
„Изъ Киева бѣжать до Чернигова
„Два девяноста-то мѣрныхъ верстѣ,
„Промежъ обѣдней и заутреней?“

Иванъ гостинный сынъ беретъся

Сказать изъ Киева до Чернигова,
Два девяноста-то мѣрныхъ верстѣ,
Промежу обѣдней и заутрени,
Ускоки давать конные,
Что выметывать раздолья широкія:
„А бьесь я, Иванъ, о великъ закладъ,
„Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
„О своей буйной головушкѣ“.

За князя Владимира держатъ поруки крѣпкія
 Всѣ тутъ князи и бояра, тутъ-де гости-корабельщико,
 Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей.
 А никто-де тутъ за Ивана поруки не держитъ.
 Пригодился тутъ владѣеа Черниговскоя,
 А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
 Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей.
 Подписалися. Молодой Иванъ гостинной сынъ,
 Онъ выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра,
 Походилъ онъ на конюшню бѣлодубову,
 Ко своему доброму коню въ бурочкѣ,
 Косматочкѣ, троелѣточкѣ,
 Падалъ ему въ правое копытчко,
 Плачетъ Иванъ, что рѣка течеть:
 „Гой еси ты, мой доброй конь,
 „Бурочко, косматочко, троелѣточко!
 „Про то ты вѣдь не знаешь, не вѣдаешь,
 „А пробилъ я, Иванъ, буйну голову свою
 „Со тобою добрымъ конемъ“.

Въ разказѣ повторяется предложеніе и обѣщаніе.

Провѣститъ ему доброй конь бурочко,
 Косматочко, троелѣточко,
 Человѣческіи русскимъ языкомъ:
 „Гой еси, хозяинъ ласковой мой!
 „Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалуйся:
 „Сива жеребца того не боюсь,
 „Кологрива жеребца того не блюдусь,
 „Въ задоръ войду — у воронка уйду;
 „Только меня води по три зари,
 „Медвяною сытою нощю
 „И сорочинскимъ пшеномъ корми.
 „И пройдутъ тѣ дни срочные,
 „И тѣ часы урочные,
 „Придетъ отъ князя грозенъ посолъ
 „По тебѣ-то, Ивана гостинаго,
 „Чтобы бѣгати, скакати на добрыхъ на коняты.
 „Не сядай ты меня, Иванъ, добра коня,
 „Только берись за шелковъ новодокъ,
 „Поведешь по двору княжецецкому;
 „Вадѣи на себя шубу соболиную,
 „Да котора шуба въ три тысящи,
 „Пуговки въ пять тысячей,
 „Поведешь по двору княжецецкому,
 „А стану-де я, бурка, передомъ ходить,
 „Копытами за шубу носашивати,
 „И но! шеремъ: собою выиватывати,

„На всѣ стороны побрасывать, —
 „Князи, бояра подвуются,
 „И ты будешь живъ — шубу наживешь,
 „А не будешь живъ, будто напивалъ“.
 По сказанному и по писанному,
 Отъ великаго князя посольгъ принесть...

Иванъ гостинный сынъ исполняетъ наставленіе князя:

Князи и бояра двуются,
 Купецкіе люди засмотрѣлися.
 Зрявааетъ бурно по туринному,
 Онъ шпиль пустилъ по змѣиному,
 Триста жеребцовъ испугалися,
 Съ княженецкаго двора разбѣжались;
 Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
 Кологривъ жеребецъ тотъ и голову сложилъ,
 Полоненъ воронко въ Золоту Орду бѣжить;
 Онъ, хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ.
 А князи-то и бояра испужалися,
 Всѣ тутъ люди купецкіе,
 Окарачь они по двору напозналися;
 А Владиміръ князь со княгиней печаленъ сталъ;
 Кричитъ самъ въ окошечко косащутое:
 „Гой еси ты, Иванъ, гостинной сынъ!
 „Уведи ты уродья со двора долой;
 „Прости поруки крѣпкія, записи всѣ изодранія“.
 Итаноры владыка Черниговской
 У великаго князя на почестной пиру
 Ведегъ захватить три корабли на быстромъ Дибпрѣ,
 Ведегъ захватить корабли
 Съ тѣми товары заморскими.
 А князи-де и бояра никуда отъ насъ не уйдуть.

Мы сказали, что обычай пѣть на пирахъ пѣсни этого рода — при Татарахъ, вѣроятно, уничтожился; до Татаръ же, а еще болѣе до христіанства, мы видимъ его въ полномъ ходу по историческимъ свидѣтельствамъ: вспомнимъ о Володимеровыхъ пирахъ и объ отношеніяхъ его къ дружинѣ по лѣтописи Нестора, о Святославовыхъ (Ярославича) пирахъ по житію св. Феодосія; о пирѣ богатаго въ отдѣльномъ сочиненіи ¹⁾. Вся наша древняя лѣтопись о времени до-христіанскомъ основана, очевидно, на такихъ пѣсняхъ.

Мы имѣли, безъ сомнѣнія, цѣлую поэтическую литературу; мы имѣли слова или саги о всѣхъ важныхъ и неважныхъ подвигахъ

¹⁾ Слово о богатомъ и Лазарѣ, известное по рукописямъ XII—XIII вѣковъ.

древнихъ князей нашихъ, начиная отъ Рюрика до нашествія Монголовъ, и даѣе, имѣли словесность, о коей можемъ мы судить по Слову о Полку Игоревѣ; къ счастію, до насъ дошедшему, и по другимъ слѣдамъ, отрываемымъ въ древнихъ памятникахъ при тщательномъ ихъ разсматриваніи.

Олегу, приплывающій со множествомъ судовъ изъ Новгорода къ Киеву, выдающій себя за греческаго купца, приглашающій къ себѣ на лодки Киевскихъ владѣльцевъ Аскольда и Дира, чтобы посмотреть его товары, и приказывающій убить ихъ, вынося на рукахъ Игоря, — развѣ это не извлечено изъ саги, изъ слова? А походъ его подъ Константинополь съ 2.000 судовъ и двадцатью племенами; а суда его на колесахъ, на коняхъ подплыль онъ по суку, при попутномъ вѣтрѣ, подъ стѣны города; а ядъ, подосланный императоромъ въ брашнахъ и угданный Киевскимъ княземъ; а щитъ, какъ знакъ его побѣды, на вратахъ Цареградскихъ; а парчевые паруса, устроенные имъ на своихъ судахъ, для возвратнаго пути, — неужели это историческія, лѣтописныя показанія? Переводъ ихъ изъ саги, изъ слова въ лѣтопись мечется въ глаза. Такова и смерть Олега отъ любимаго коня, которую предсказали ему кудесники. Онъ велѣлъ держать этого коня въ удаленіи, и черезъ четыре года по возвращеніи своемъ изъ похода, пошелъ посмотреть на его кости, смѣясь надъ предреченіемъ, какъ изъ-подъ черепа выползла змѣя и ужалила витязя въ ногу. Не нужно доказывать долго, что о мести Ольгиной мы имѣли также обширное слово, обширную сагу, — какъ она научила пословъ Древлянскихъ требовать, чтобъ ихъ понесли Киевляне въ теремъ въ ладѣ, и на дорогѣ велѣла бросить въ яму и засыпать землею; какъ она сожгла другихъ пословъ въ банѣ; какъ покорила Корестѣнь посредствомъ голубей и воробьевъ, пустивъ ихъ ночью въ городъ съ огнемъ. Точно то же должно сказать объ избавленіи Киева отъ печенѣговъ посредствомъ юноши, который, пробѣжавъ черезъ Печенѣжскій станъ, бросился въ Днѣпръ и извѣстилъ Черниговскаго воеводу Прѣтича объ опасности, угрожавшей городу; о Болгарской войнѣ Святослава; о походѣ Владиміра на Роголода; объ избавленіи Вѣлгорода отъ Печенѣговъ хитростію старца, присовѣтовавшаго наполнить колодезь сѣтою, и проч. и проч.

Не говоримъ объ именахъ трехъ славныхъ морскихъ разбойниковъ въ одной скандинавской сагѣ, сходныхъ съ нашими Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ, на которыхъ указываетъ Шлецеръ, и которыхъ, можетъ быть, попали на сѣверъ ужъ отъ насъ; представляя древній-

шую нашу сагу. (А можетъ-быть, братья прославились на сѣверѣ до прибытія къ намъ).

Однимъ словомъ саги, слова, были однимъ изъ важныхъ источниковъ Нестора, и имъ обязаны мы извѣстіями о древнѣйшихъ происшествіяхъ нашей исторіи, точно такъ, какъ исторія соплеменныхъ Руси Норвежцевъ, Датчанъ, Шведовъ сохранилась въ многочисленныхъ сагахъ Исландіи.

Окончательно же убѣждаетъ насъ въ существованіи старыхъ былинъ самъ сочинитель Слова о Полку Игоревѣ, у котораго безпрестанно встрѣчаются мѣста, доказывающія множество прежнихъ сочиненій этого рода, множество *Словъ*. Съ самаго начала онъ говоритъ о *старыхъ словесахъ*, потомъ о пѣсняхъ старому Ярославу, храброму Мстиславу, „иже зарѣза Редедю предъ полки Косожьскими, красному Роману Святославичю“; о пѣсняхъ Бояна, котораго называетъ соловьемъ древняго времени, внукомъ Велесовымъ, который „аще кому хотяше пѣснь творити.... своя вѣщія персты на живыя струны воскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху“. Упомянутія Слова о Полку Игоревѣ объ Олегѣ Святославичѣ, Борисѣ Вячеславичѣ, Всеславѣ Брячиславичѣ кажутся отрывками изъ словъ объ этихъ князьяхъ. Говоря о Всеславѣ, пѣвецъ приводитъ слова Бояновъ: „тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку смысленный рече: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути“. Въ заключеніи Слова о Полку Игоревѣ говорится что-то о „пѣспотворцѣ Святославѣ стараго времени Ярослава, Ольгова, Когана“.... и опять упоминается о *тѣхъ пѣсняхъ* старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ.

Нѣкоторыя мѣста очень неясны, не смотря на усилія нашихъ прелагателей. Но по крайней мѣрѣ мы получаемъ изъ нихъ понятіе о существованіи древней исторической поэзіи, перенятой со скандинавскаго сѣвера, между тѣмъ какъ лирическая развивалась изъ собственныхъ, то-есть, славянскихъ элементовъ. Впрочемъ, и историческая поэзія по свойству нашего языка и народнаго характера, приняла у насъ другой, свой характеръ, и напримѣръ, наше Слово о полку Игоревѣ представляетъ несравненно болѣе живости, теплоты, нежели саги, которыхъ главная прелесть состояла въ пѣвическомъ языкѣ.

Саги исландскія двѣсти, триста лѣтъ сохранились въ изустномъ преданіи и послѣ уже были записаны на островѣ Исландіи, гдѣ много особнхъ обстоятельствъ содѣйствовало этому явленію, а у насъ чрезъ двѣсти, триста лѣтъ, послѣ Олеговъ, Володимировъ, Ярославовъ, на-

грянули Татары, и намъ было не до записыванія пѣсенъ, особенно на югѣ, гдѣ съ явленіемъ казачества являются другія саги, какъ замѣчено выше, — казачкія, историческія пѣсни и думы, смѣнившія, приведшія въ забвеніе прежнюю поэзію.

Вторая причина, почему не сохранились древніи наши былинны въ рукописяхъ, это — отвращеніе духовенства отъ всѣхъ мірскихъ, свѣтскихъ сочиненій, а кромѣ духовенства, писцовъ было мало.

Дошедшія до насъ въ устахъ народа былинны составляютъ какъ бы средину между древними исландскими сагами и сохранными у Нестора основами первыхъ нашихъ сагъ, съ одной стороны, а съ другой, Словомъ о Полку Игоревѣ, однимъ изъ послѣднихъ проявленій этой словесности.

Наши слова, наши саги имѣли одинъ и тотъ же источникъ съ исландскими. Замѣтимъ, въ подтвержденіе нашей мысли, что даже многія обстоятельства, встрѣчающіяся въ Несторѣ, мы находимъ въ сѣверныхъ сагахъ, напримѣръ, о смерти Олеговой отъ коня, о взятіи города Ольгою посредствомъ птицъ. Въ образѣ выраженной примѣчается много сходства: оружіе поетъ, напримѣръ, по замѣчанію профессора Вуслаева, въ скандинавской повѣи (мечъ, топоръ); и у насъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ, копія поютъ на Дунаѣ. Стязи (знамена) глаголятъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ такъ же, какъ въ скандинавскихъ памятникахъ. „Вообще“, продолжаетъ г. Вуслаевъ, „взгляды Нѣмца и Славянина на оружіе и воинскіе доспѣхи во многомъ сходятся; такъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ щиты червленые“ (прива-внмъ, и въ былинахъ, и въ рисункахъ къ житію св. Бориса и Глѣба, и на древнемъ, бывшемъ моемъ, образѣ св. Георгія), „и въ нѣмецкихъ памятникахъ эпитетъ щиту: красный. Выраженіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ „конецъ копія вскормлени“ согласуется съ представленіемъ въ Эддѣ: копыями кормилъ гадовъ змѣиныхъ, то-есть, трупами падшихъ отъ копій“.

Эти саги, пѣсни, разказы были первою принадлежностію пировъ княжескихъ какъ на скандинавскомъ сѣверѣ, такъ, безъ всякаго сомнѣнія, и на Руси; о русскихъ пирахъ можно составить себѣ ясное понятіе изъ Несторова описанія пира Святослава Ярославича, помѣщенного въ житіи св. Феодосія: „яко видѣ (Феодосій) во храмъ, идѣ же бѣ князь сѣда, и се видѣ многія играющіи передъ нимъ, овы *чусьные* гласы испущающе, другыя же *ораннныя* гласы поуще, и нѣмъ *заморьскія* ниски гласящимъ, и таѣ воинъ играющемъ и веселящимся, яко же обычай есть предъ княземъ“....

Познакомимся теперь съ самыми пѣвцами, которые извѣстны были у насъ подъ именемъ скомороховъ, что видно изъ слѣдующихъ стиховъ нашихъ былинъ:

Во славномъ во Новѣградѣ
 Какъ былъ Садко купецъ, богатый гость,
 А прежде у Садка имущества не было:
 Одни были гуселки яровчаты,
 По пирамъ ходилъ — игралъ Садко.
 Садка день не зовуть на почестенъ пиръ,
 Другой не зовуть на почестенъ пиръ,
 И третій не зовуть на почестенъ пиръ.
 Потому Садко соскучился....

Онъ мастеръ Ставеръ въ гусли играть,
 Игръ играть и напѣвокъ напѣвать
 Про старыя времена и про нынѣшныя,
 И про все времена досюлешныя.

....Пошелъ Добрынюшка Микитиѣнцъ
 Къ князю Владимиру на почестенъ пиръ.
 Сокручивается въ плати скоморошныя,
 Идетъ въ теремъ златоверхватый,
 По ступенчикамъ идетъ по наличнымъ,
 Ступенчики гибнутъ, весь теремъ шатается.
 Говоритъ Владимиръ князь стольно-Кіевскій:
 Скомороше мѣсто на запечѣ.
 А Добрыня скочилъ на печку на муравленую,
 Онъ натягивалъ въ гуселькахъ, налаживалъ
 Двѣнадцать струночекъ золоченныхъ.

И заигралъ онъ въ гуслицы яровчаты,
 Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,
 А изъ Царяграда до Іерусалима,
 Изъ Іерусалима къ той землѣ Сорочинскій.
 Третій разъ сталъ поигрывать
 Все свое похоженъице разказывать.

На пирѣ игроки все пріумоляли,
 Все скоморохи пріослушались:
 Этакой игры на свѣтѣ не слыхано,
 И на бѣломъ игрѣ не вѣдано.
 Все народы приближались
 И Добрынюшкѣ поклонялись.
 Такъ-то игра прилюбилась
 Всему кругу молодецкому
 Всему поѣзду княженецкому.

Князю игра-тъ по уму пришла,
 Самъ говоритъ таково слово:
 „Ай же ты дѣтина (молода) скоморошина!
 „Опускайся со печки муравлены,
 „Выбирай себѣ мѣсто, гдѣ тебѣ любое“.

Ставить Владиміръ князь на рѣзвы ножки,
 Наливать-то онъ чару зелена вина,
 Подносить къ молодой скоморошинѣ.

Въ самыхъ лѣтописяхъ находимъ мы извѣстія, хотя неясныя и неопредѣленныя, о древнихъ пѣвцахъ, въ дополненіе къ извѣстіямъ о скоморохахъ въ былинахъ; напримѣръ, подъ 1243 годомъ, въ Волынской лѣтописи читается: „Андрей же не удоси его, но удоси владыку и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковныя раздраны быша; *словутънею тѣца Митусу*, древле за гордость не восхотѣша служити князю Данилу раздранаго аки связаного приведоша....“

О Владимірѣ Васильковичѣ, подъ 1288 годомъ, въ Волынской же лѣтописи сказано: „Володимеръ... бѣ разумѣя притчи много тыхъ словъ“.

Въ заключеніе этихъ разсужденій приведемъ отрывокъ изъ классическаго сочиненія Стрингольма о Норманнахъ,—очеркъ сѣвернаго скальда, соответствующаго нашимъ скоморохамъ, какъ они изображены въ оставшихся былинахъ:

„Сѣверный скальдъ долженъ быть богатъ въ изобрѣтеніи, остроуміи и мысленіи; онъ долженъ быть знакомъ не только съ современными примѣчательными происшествіями, ибо ихъ падо ему воспѣвать,—онъ долженъ обладать свѣдѣніями о происшествіяхъ прежняго времени, и преимущественно, знать обстоятельно сѣверное ученіе о богахъ, какъ основаніе питическаго языка и мнѳологическихъ образовъ. Выстрый и смѣлый ходъ, богатство и смѣлость въ образахъ, глубокое и сильное чувство господствуютъ въ пѣсняхъ древнихъ. Рѣдкія, устарѣлыя, въ ежедневной рѣчи неупотребительныя слова и названія, были приняты въ языкѣ скальдовъ или удержаны въ немъ, чтобы возвысить его надъ ежедневнымъ и сообщить ему больше торжественности. Она выражается особенно въ искусственномъ, обработанномъ своемъ видѣ, описаніями лицъ и вещей, заимствованными изъ мнѳологіи и природы, смѣлыми, исполненными образовъ. На счастливомъ выборѣ описаній изысканныхъ, меткихъ мыслей, изображеній, основывалась преимущественно красота и искусство языка скальдовъ. Простое названіе рещи

считалось принадлежностію ежедневнаго языка. Скальды любили описательныя названія и старались роскошнымъ разнообразіемъ много-знаменательныхъ образовъ, въ конхъ заключались слова и цѣлыя положенія, напрягать мысли слушателей и воспламенять ихъ воображеніе. Они употребляли въ то же время ужасную перестановку словъ и умѣли, если хотѣли, такъ скрыть свои мысли посредствомъ запутанныхъ оборотовъ, темныхъ, изысканныхъ описаній и особенно мудреныхъ словъ, что нуженъ былъ великій даръ соображенія, дабы выразумѣть ихъ смыслъ.

„Пѣсни, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, питали любовь къ пѣнію и производили новыхъ скальдовъ. Многіе такіе слѣдовали за Гаральдомъ Гильдетаномъ на Бравальское сраженіе, и воспоминаніе объ этомъ великомъ происшествіи было прославлено въ пѣсняхъ. У всѣхъ сѣверныхъ князей были скальды.“

„Пѣсни были различны: Dгара (множ. dгаров), героическія, торжественныя, величественныя стихотворенія, пѣсни во многихъ отдѣленіяхъ, съ возвратными стихами (kehrtreimer); въ конхъ воспѣвались дѣянія и жизнь королей и великихъ героев. О мужахъ менѣ славныхъ и высокихъ, о происшествіяхъ менѣ значительныхъ и важныхъ сочинялись Fіbkr, пѣсни меньшаго объема безъ отдѣленій и возвратныхъ стиховъ. Въ древнихъ пѣсняхъ, особенно въ Dгара'хъ, бываетъ обыкновенно родъ gefrain, изъ двухъ или четырехъ стиховъ, которые принадлежатъ къ правильной строфѣ, и только въ концѣ каждаго новаго отдѣленія пѣсни повторяются и проч.“

„Скальды путешествовали по всѣмъ странамъ, гдѣ употреблялся сѣверный языкъ, чтобы собирать предметы для своихъ пѣсней и приобрѣтать честь и награду. Скальды входили въ княжескую палату, гдѣ король съ своими мужаи сидѣлъ и пилъ; просилъ о позволеніи представить пѣснь въ честь короля, произносилъ ее мужественнымъ голосомъ и получалъ золотыя гривны (Ringe), знатныя оружія, драгоценныя одежды и содержаніе при дворѣ княжескомъ. Стихотвореніе выучивалось навзгустъ придворными людьми и должно было оставаться, передаваться въ воспоминаніи, чтобы довести до потомства княжескую славу. Отъ скальдовъ требовалось, чтобы они не только обладали искусствомъ сочинять и произносить стихи съ достоинствомъ и живостію, но они должны были имѣть въ памяти пѣсни древнихъ скальдовъ, и память ихъ посредствомъ упражненія была такъ изощрена, что одинъ скальдъ могъ пропѣть королю Гаральду Гардрде (мужу нашей Елизаветы Ярославны) шестьдесятъ пѣсней, и когда ко-

роль, слушавшій ихъ до глубокой ночи, спросилъ скальда, знаетъ ли онъ еще, то сей отвѣчалъ, что можетъ еще пропѣть полстолька. Путешествуя отъ двора ко двору, изъ страны въ страну, скальды въ древности были свѣдомые люди своего времени, потому что многое видѣли и опытомъ извѣдали.

„Къ пѣнію присоединялись повѣсти, разказы изъ древнихъ сѣверныхъ героическихъ сагъ,—самое любимое времяпровожденіе при княжескихъ дворахъ, въ частныхъ обществахъ, въ домашнемъ кругу крестьянина.“

М. Погодинъ.